

Взаимосвязь мотивов конструирования этнической идентичности и индивидуальных ценностей у русских старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов России

Муращенкова Н.В.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Гриценко В.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Кулеш Е.В.

ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ТОГУ»), г. Хабаровск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resursentr@mail.ru

Цель. Проверка гипотезы о региональной специфике взаимосвязи мотивов конструирования этнической идентичности и индивидуальных ценностей у русских старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов России.

Контекст и актуальность. В условиях перманентной неопределенности и нетипичных кризисов актуальным становится изучение ресурсного потенциала различных видов социальной идентичности и влияющих на этот потенциал факторов у молодежи как особо уязвимой социальной группы.

Дизайн исследования. В работе представлен сравнительный количественный анализ результатов опроса, проведенного в мае 2023 г.

Участники. В выборку исследования вошли 319 русских школьников-граждан России от 15 до 18 лет из Смоленска ($N = 185$, $M = 16,3$, $SD = 0,48$, 59,5% девушек) и Хабаровска ($N = 134$, $M = 16,8$, $SD = 0,72$, 67,9% девушек).

Методы (инструменты). В исследовании использовались Шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности Н.М. Лебедевой, «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца, авторские утверждения для оценки мотивов конструирования этнической идентичности.

Результаты. Большинство респондентов отчетливо ощущают себя представителями русского этноса, но не рассматривают этническую идентичность как значимый ресурс удовлетворения важных потребностей. Доминирующей ценностной основой мотивов построения этнической идентичности для смолян выступает ценность Традиция, а для хабаровчан — ценности Достижение и Универсализм — Забота о природе.

Основные выводы. Существует региональная специфика механизмов формирования и ценностных оснований конструирования русской идентичности у молодых представителей этнического большинства в условиях моноэтнической среды.

Ключевые слова: социальная идентичность; этническая идентичность; мотивы конструирования этнической идентичности; ценности; русские старшеклассники; кросс-региональный анализ.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-01283, <https://rscf.ru/project/23-28-01283/>.

Для цитаты: Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Кулеш Е.В. Взаимосвязь мотивов конструирования этнической идентичности и индивидуальных ценностей у русских старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов России // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 4. С. 189–206. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150413>

Relationship between Motives of Constructing Ethnic Identity and Individual Values among Russian High Schoolers from the Central and Far Eastern Regions of Russia

Nadezhda V. Murashcenkova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Valentina V. Gritsenko

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Elena V. Kulesh

Pacific State University, Khabarovsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resursentr@mail.ru

Objective. *The aim of the study is to verification the hypothesis about the regional specificity of the relationship between the motives of constructing ethnic identity and individual values among Russian high schoolers from the central and far eastern regions of Russia.*

Background. *Youth are a particularly vulnerable group in situations of permanent uncertainty and atypical crises. It is therefore important to explore the resource potential of different types of social identity and its factors among young people.*

Study design. *We have conducted a comparative quantitative analysis of the results of the survey of the ethnic majority from the two mono-ethnic Russian regions (in May 2023).*

Participants. *Russian high schoolers ages 15 to 18 from Smolensk (185 Russians, $M = 16,3$, $SD = 0,48$, 59,5% of girls) and Khabarovsk (134 Russians, $M = 16,8$, $SD = 0,72$, 67,9% of girls) participated in the study.*

Measurements. *We used the Scale of Rapid Assessment of Ethnic Identity by N.M. Lebedeva, “Portrait Values Questionnaire” by S.H. Schwarz and author’s items formulated to assess motives of constructing ethnic identity.*

Results. *Most respondents clearly feel themselves to be members of the Russian ethnic group, but do not see ethnic identity as a significant resource for meeting important needs. The dominant value basis of ethnic identity motives for Russian high schoolers from Smolensk is the Tradition value, and for Russian high schoolers from Khabarovsk – the Achievement value and the Universalism-Nature value.*

Conclusions. *There is a regional specificity of formation and value bases of construction of the Russian ethnic identity among young members of the ethnic majority in conditions in mono-ethnic environment.*

Keywords: *social identity; ethnic identity; motives of constructing ethnic identity; values; Russian high schoolers; cross-regional analysis.*

Funding. *The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 23-28-01283, <https://rscf.ru/project/23-28-01283/>.*

For citation: Murashcenkova N.V., Gritsenko V.V., Kulesh E.V. Relationship between Motives of Constructing Ethnic Identity and Individual Values among Russian High Schoolers from the Central and Far Eastern Regions of Russia. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 4, pp. 189–206. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150413> (In Russ.).

Введение

В текущих условиях экономического и геополитического кризисов люди (особенно молодежь) остро нуждаются во внутренних психологических опорах и ресурсах совладания. Одна из таких опор — идентичность и ее различные типы [3; 18], в том числе и этническая идентичность как один из видов социальной идентичности [18]. Т.Г. Стефаненко отмечала: «Этнос все еще остается для человека надежной, а в ситуации кризисов — аварийной группой поддержки» [18, с. 4]. Однако зададимся вопросом: *выступает ли этническая идентичность ресурсом для современной русской молодежи и если да, то в чем это проявляется и от чего зависит?*

Сензитивным возрастом для формирования идентичности является ранняя юность — период социального становления личности [23]. Согласно теории А. Тэшфела и Дж. Тернера [32] социальная идентичность выступает частью Я-концепции человека, формируется в процессе категоризации и социального сравнения с использованием системы координат «свой-чужие» и связана с осознанием своего членства в социальной группе в сочетании с ценностным и эмоциональным значением, приписываемым этому членству [31]. При этом позитивное представление о социальной группе, удовлетворенность членством в ней, желание принадлежать ей дают индивиду ощущение психологической безопасности и стабильности [32]. Изучение социальной идентичности молодого цифрового поколения России [15], имеющего выраженные психологические

отличия от своих предшественников [8], актуально и необходимо.

В последние годы социологи фиксируют ценностный сдвиг в российском обществе, что объясняется в том числе и вхождением в состав респондентов новых поколений россиян [9]. У современных российских подростков обнаруживается смещение баланса соотношения социального Я и личностного Я в пользу последнего, что может являться не только возрастной, но и поколенческой особенностью [16]. Ценности и ценностная социализация играют значимую роль в процессе становления идентичности в юношеском возрасте [21]. При этом молодежь способна выступать коллективным субъектом, формирующим посредством ювентизации систему ценностей будущего общества [1; 24]. Как отмечают социологи, условия, в которых происходит взросление поколения, определяют характер этого поколения [10]. Изучение особенностей социальной идентичности и ценностей современной российской молодежи — актуальная задача, связанная с отслеживанием значимых для общества изменений и прогнозированием особенностей социально-психологического портрета российского общества в будущем.

Цель исследования — определение выраженности и характера связи мотивов конструирования этнической идентичности и индивидуальных ценностей у русских старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов России.

Этническая идентичность представляет собой неотъемлемую часть Я-концепции [18]. Результатом становления этнической идентичности высту-

пают чувство принадлежности к этнической общности [5]. Доказано, что люди, проживающие в моноэтнической среде, проявляют меньший интерес к собственной этничности, а в полиэтнической среде этническая идентичность чаще находится в фокусе внимания личности [20]. Большинство исследований этнической идентичности проведено на выборках русских этнических меньшинств [6; 14 и мн. др.], в то время как научных работ, раскрывающих потенциал этнической идентичности для представителей русского этнического большинства, явно недостаточно [7; 17]. Необходимость восполнения дефицита подобных научных исследований связана с тем, что этническая идентичность, как и любой другой вид идентичности, способна выступать ресурсом, удовлетворяющим значимые потребности индивида [3; 18]. Но чтобы понять, *что* дает (и *дает ли?*) этническая идентичность человеку, необходимо обратиться к изучению *мотивов* ее конструирования.

Анализ мотивов построения идентичности проводится в рамках *теории мотивированного конструирования идентичности* [34], согласно которой люди присоединяются к группам, стремятся идентифицировать себя с ними и выстраивать соответствующие идентичности для реализации одного из шести мотивов: *самоуважения, самобытности, эффективности, непрерывности, принадлежности и смысла* [34]. Люди обычно рассматривают как желательные для себя те виды идентичности, которые удовлетворяют эти мотивы [34].

Мотивы конструирования идентичности, или мотивы идентичности — это мотивы, предрасполагающие людей к тому, чтобы *видеть* себя определенным образом [34]. В. Виньолес подчеркивает, что люди чаще всего не осознают мотивы конструи-

рования своей идентичности и не задумываются о них [34], что требует обращения особого внимания на дизайн и методику их исследования. Мотивы построения идентичности могут четче проявляться и осознаваться в ситуации угрозы идентичности, риска ее утраты [27; 34]. Поэтому мысленное моделирование, использование приема воображаемой ситуации утраты идентичности может способствовать лучшей оценке мотивов идентичности, чем прямые закрытые вопросы относительно того, что дает человеку та или иная идентичность [28].

В психологии постулируется приоритет ценностей в направленности личности [4], что позволяет выдвинуть предположение о связи ценностей и мотивов конструирования этнической идентичности. В своей работе мы опираемся на уточненную теорию базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца [22]. В психологии представлен ряд научных работ, пересекающихся с нашим исследованием: З.Х. Лепшиковой установлено, что ценности «Сохранения» лежат в основе позитивной этнической идентичности у русских, находящихся в статусе этнического большинства [7]; в работе А. Барди с коллегами представлена эмпирическая проверка гипотезы о модерационной роли ценностей во взаимосвязи мотивов идентичности и ее внешних проявлений [25]; в другом зарубежном исследовании показано, что утверждение значимых для человека ценностей может укреплять мотивы идентичности [26]. Однако нам не удалось обнаружить научные публикации, описывающие *ценностные основания мотивов конструирования этнической идентичности*. Полагаем, что подобная работа проводится впервые.

Мы обращаемся к изучению русских старшеклассников из Смоленска и Хабаровска — городов моноэтнических россий-

ских регионов с высокой долей русского населения (более 90%) [11]. Выбор городов обусловлен вероятными различиями в ценностных приоритетах у жителей. Одна из осей ценностных различий может быть связана с географическим положением городов и ориентацией на так называемые «западные» (близость Смоленска к странам Европы) или «восточные» (близость Хабаровска к Китаю и Японии) ценности. Значимым фактором ценностных различий может выступать также близость Смоленска и удаленность Хабаровска от столицы. Согласно теории межгенерационной перемены ценностей Р. Инглхарта, различия могут быть обусловлены и спецификой социально-экономического положения возрастных когорт в период становления их системы ценностей [29]. Согласно рейтингу российских регионов по качеству жизни в 2022 г. Хабаровский край выступал более благоприятным регионом, чем Смоленская область, и занимал 30-е место, в то время как Смоленская область — 50-е [12]. То есть ценности старшеклассников двух регионов могут определяться не только географическим расположением, но и социально-экономическими условиями жизни регионов. Как отмечают социологи, Россия в целом принадлежит к группе европейских стран с низким межиндивидуальным ценностным консенсусом по значительному числу базовых ценностей [13]. Однако довольно сложно спрогнозировать, в чем именно будут заключаться различия индивидуальных ценностей у старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов страны, но предположить их наличие позволяют данные исследований, подтверждающих межрегиональную неоднородность ценностных предпочтений российской молодежи [2; 24].

Таким образом, наша работа предполагает проверку гипотезы о существо-

вании региональных различий в связях между индивидуальными ценностями и мотивами конструирования этнической идентичности у русских старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов страны.

Метод

Выборка и процедура исследования. Выборку из центрального региона составили 185 старшеклассников школ города Смоленска от 15 до 18 лет ($M = 16,3$, $SD = 0,48$, 59,5% девушек). Большинство респондентов (87,6%) проживают в Смоленске с рождения, 7,0% переехали из Смоленской области, 5,4% — из другого города Российской Федерации. Выборку из дальневосточного региона составили 134 старшеклассника школ города Хабаровска от 15 до 18 лет ($M = 16,8$, $SD = 0,72$, 67,9% девушек). Большинство респондентов (78,4%) проживают в Хабаровске с рождения, 15,7% переехали из Хабаровского края, 5,9% — из другого города Российской Федерации. Все респонденты — граждане России, идентифицирующие себя как русские по этнической принадлежности.

Данные собраны в мае 2023 г. Опрос в обеих выборках проводился очно при личном присутствии сборщиков данных: старшеклассники подписывали информированное согласие, с помощью мобильных устройств переходили по ссылке и заполняли онлайн-анкету, размещенную на платформе anketolog.ru. Вознаграждение за участие в опросе не предполагалось.

Инструментарий и методики исследования. В онлайн-анкету были включены методики и вопросы/утверждения, позволяющие оценить основные и контрольные переменные (пол, возраст, материальное положение).

Выраженность этнической идентичности оценивалась у респондентов с

помощью Шкалы экспресс-оценки выраженности этнической идентичности Н.М. Лебедевой [19, с. 15]. Респонденты отвечали на вопрос «В какой степени Вы ощущаете себя представителем своего народа?» (10-балльная шкала ответов от 1 — «очень слабо» до 10 — «очень сильно»).

Мотивы конструирования этнической идентичности определялись с помощью авторской методики «Оценка мотивов конструирования этнической идентичности при моделировании ситуации ее утраты», разработанной в соответствии с интегративной теорией мотивов идентичности [28; 34]. Старшеклассникам предлагалось представить ситуацию, в которой по независящим от них причинам они перестали бы быть представителями своего народа. Далее респонденты в соответствии с 6-балльной шкалой от 1 — «абсолютно не согласен» до 6 — «абсолютно согласен» оценивали 6 возможных последствий утраты этнической идентичности (окончания предложения «Если бы я перестал быть представителем своего народа, то вместе с этим я...»): почувствовал бы себя неудачником (мотив самоуважения), навряд ли смог бы быть способным, компетентным и добиться успеха (мотив эффективности), ощутил бы неприятный разрыв между своим прошлым, настоящим и будущим (мотив непрерывности), потерял бы свою уникальность, непохожесть на других (мотив самобытности), ощутил бы утрату чувства принадлежности и связанности с другими людьми (мотив принадлежности), потерял бы смысл жизни (мотив смысла).

Для выявления *индивидуальных ценностей* использовался обновленный «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца (PVQ-RR), адаптированный на российской выборке, включающий 57 утверждений и позволяющий оценить 19 ценностей [22; 30].

Обработка данных осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 23. Применялся анализ дескриптивных статистик и анализ различий для сравнения выраженности этнической идентичности (U-критерий Манна-Уитни), мотивов этнической идентичности и индивидуальных ценностей (*t*-критерий Стьюдента) в двух выборках. Для определения структуры мотивов конструирования этнической идентичности у старшеклассников из Смоленска и Хабаровска использовался эксплораторный факторный анализ (ЭФА) — метод главных компонент с последующим Варимакс вращением. Корреляционный анализ (*r*-Спирмена) использовался для оценки взаимосвязей между выраженностью этнической идентичности и выделенными в результате ЭФА факторами-мотивами этнической идентичности у респондентов из Смоленска и Хабаровска. Иерархический регрессионный анализ применялся для оценки связи индивидуальных ценностей (предикторов) и социально-демографических параметров (контрольные переменные) с мотивами построения этнической идентичности (зависимые переменные) у старшеклассников из двух городов.

Результаты

На рисунке представлено распределение показателей выраженности этнической идентичности у русских старшеклассников из Смоленска и Хабаровска. Статистически значимых различий в самооощении себя представителями русского народа у двух групп школьников не обнаружено. Немалая часть старшеклассников (35% смолян и 46% хабаровчан) ощущают себя русскими очень сильно. Вариант «очень слабо» при ответе на вопрос «В какой степени Вы ощущаете себя представителем своего народа?» не выбрал ни один респондент.

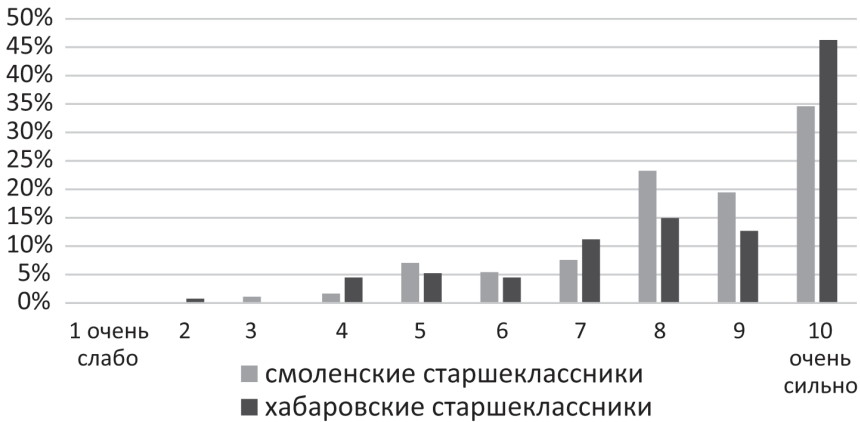

Рис. Распределение показателей выраженности этнической идентичности у русских старшекласников (%) из Смоленска (N = 185) и Хабаровска (N = 134) (ответы на вопрос «В какой степени Вы ощущаете себя представителем своего народа?»)

В табл. 1 представлены средние значения, стандартные отклонения и статистически значимые различия в выраженности основных переменных исследования у старшекласников из Смоленска и Хабаровска.

Таблица 1

Описательные статистики основных переменных исследования в выборках смоленских (N = 185) и хабаровских (N = 134) старшекласников

Переменные	Среднее	Стандартное отклонение
Мотивы конструирования этнической идентичности (min = 1, max = 6)		
Непрерывность	3,63 / 3,40	1,66 / 1,76
Принадлежность	3,29 / 3,10	1,63 / 1,77
Самобытность	2,70 / 2,54	1,64 / 1,70
Самоуважение	2,45 / 2,65	1,48 / 1,82
Эффективность	2,29 / 2,22	1,39 / 1,62
Смысл	1,95 / 1,98	1,46 / 1,45
Индивидуальные ценности (по Ш. Шварцу) (min = 1, max = 6)		
Благожелательность – Забота*	5,28 / 5,07	0,80 / 0,87
Благожелательность – Чувство долга	5,25 / 5,17	0,76 / 0,73
Самостоятельность – Поступки	5,18 / 5,12	0,66 / 0,70
Самостоятельность – Мысли*	5,16 / 4,98	0,61 / 0,80
Гедонизм	5,06 / 4,96	0,82 / 0,94
Достижение	4,92 / 4,78	0,86 / 1,06
Универсализм – Забота о других*	4,84 / 4,60	0,89 / 0,84
Безопасность – Личная	4,83 / 4,69	0,88 / 0,86
Репутация	4,77 / 4,75	1,04 / 1,08

Переменные	Среднее	Стандартное отклонение
Безопасность – Общественная	4,73 / 4,75	1,03 / 0,92
Универсализм – Толерантность*	4,45 / 4,16	1,04 / 0,96
Стимуляция	4,28 / 4,11	0,83 / 1,11
Конформизм – Правила	4,16 / 4,05	1,18 / 1,14
Конформизм – Межличностный	4,16 / 4,12	0,95 / 1,05
Универсализм – Забота о природе**	3,97 / 3,58	1,26 / 1,26
Власть – Ресурсы	3,79 / 3,63	1,26 / 1,26
Скромность	3,72 / 3,58	1,00 / 1,06
Традиция***	3,63 / 3,11	1,37 / 1,36
Власть – Доминирование	3,42 / 3,36	1,24 / 1,33

Примечания: в таблице через слэш представлены значения для смоленской и хабаровской выборок; *, **, *** – значимость обнаруженных различий в выраженности переменных (t-критерий Стьюдента) у смолян и хабаровчан: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Выявлены статистические значимые различия в выраженности индивидуальных ценностей у старшеклассников из Смоленска и Хабаровска (табл. 1): смоляне в большей степени, чем хабаровчане, ориентированы на ценности Благожелательность – Забота ($p < 0,05$), Самостоятельность – Мысли ($p < 0,05$), Универсализм – Забота о других ($p < 0,05$), Универсализм – Толерантность ($p < 0,05$), Универсализм – Забота о природе ($p < 0,01$) и Традиция ($p < 0,001$). Тем не менее иерархический профиль индивидуальных ценностей (согласно средним значениям) у смоленских и хабаровских старшеклассников практически идентичен. Доминирующие позиции занимают такие ценности, как Благожелательность (Забота и Чувство долга), Самостоятельность (Поступки и Мысли) и Гедонизм. Ценности Стимуляция, Конформизм (Правила и Межличностный), Универсализм – Забота о природе, Власть (Ресурсы и Доминирование), Скромность и Традиция наименее выражены у старшеклассников в обеих выборках.

Статистически значимых различий в выраженности мотивов этнической

идентичности в двух выборках не обнаружено. Респонденты из Смоленска и Хабаровска в данном случае также продемонстрировали единую иерархическую структуру. Доминирующими мотивами конструирования этнической идентичности для них выступают мотивы непрерывности и принадлежности. Однако показатели средних значений по данным мотивам ниже 4-х баллов (при максимально возможном значении в 6 баллов), что свидетельствует о невысокой роли этнической идентичности в удовлетворении соответствующих потребностей у большинства респондентов. Мотивы уникальности, самоуважения, эффективности и смысла в еще большей степени нивелированы у старшеклассников в отношении собственной этнической идентичности как значимого источника/ресурса их удовлетворения: средние значения по данным переменным колеблются в пределах от 2,7 до 1,95 и от 2,54 до 1,98 в выборках смолян и хабаровчан соответственно (табл. 1).

Для выявления обобщенной структуры мотивов построения этнической идентичности в двух выборках мы про-

вели эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент с Варимакс вращением). Обоснованность применения факторного анализа подтверждена приемлемыми показателями критериев Кайзера-Мейера-Олкина и сферичности Бартлетта, полученных на выборках смоленских и хабаровских старшеклассников (табл. 2). Согласно критерию «каменистой осыпи» выделено 3 фактора (3 группы мотивов этнической идентичности) с совокупными долями объясненной дисперсии 85,89% и 87,01% в смоленской и хабаровской выборках соответственно. Факторные нагрузки представлены в табл. 2.

Содержательное наполнение выделенных факторов идентично у смоленских и хабаровских старшеклассников. Первый фактор включает такие мотивы, как самоуважение, эффективность и смысл, и может быть условно назван «индивидуальные опоры». Второй фактор объединил в себе мотивы непрерыв-

ности и принадлежности и может быть назван «социальная включенность». Третий фактор образован одним мотивом (самобытность) и может быть назван «ощущение уникальности».

В результате корреляционного анализа у смоленских и хабаровских старшеклассников обнаружены статистически значимые положительные связи между выраженностью этнической идентичности и факторами-мотивами этнической идентичности «индивидуальные опоры» ($r = 0,244, p < 0,01; r = 0,315, p < 0,01$) и «социальная включенность» ($r = 0,279, p < 0,01; r = 0,276, p < 0,01$). Не выявлено статистически значимой связи между выраженностью этнической идентичности с третьим фактором-мотивом «ощущение уникальности» у школьников двух групп.

В табл. 3 отражены результаты множественного регрессионного анализа, который позволил определить особенности связей между индивидуальными ценно-

Таблица 2

Результаты эксплораторного факторного анализа мотивов конструирования этнической идентичности у смоленских и хабаровских старшеклассников (метод главных компонент с вращением Варимакс с нормализацией Кайзера)

Мотивы конструирования этнической идентичности	Смоленские старшеклассники (КМО = 0,89, критерий Бартлетта $\chi^2 = 692,99$ значим на уровне $p < 0,001$)			Хабаровские старшеклассники (КМО = 0,87, критерий Бартлетта $\chi^2 = 534,34$ значим на уровне $p < 0,001$)		
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Непрерывность		0,89			0,88	
Принадлежность		0,78			0,80	
Самобытность			0,84			0,82
Самоуважение	0,81			0,87		
Эффективность	0,71			0,82		
Смысл	0,81			0,64		
Доля дисперсии, объясняемая фактором, %	69,16	10,32	6,41	69,62	11,05	6,34

Примечание: в таблице представлены максимальные факторные нагрузки для каждой из переменных после Варимакс вращении.

стями и мотивами этнической идентичности у групп школьников.

Результаты исследования показывают, что в группах смоленских и хабаровских школьников ценности, вносящие вклад в развитие мотивов конструирования этнической идентичности, разли-

чаются (табл. 3). Ощущать связанность своего прошлого, настоящего и будущего (*мотив непрерывности*) этническая идентичность помогает тем смоленским старшеклассникам, которые ценят безопасность и стабильность в обществе и стремятся к сохранению культур-

Таблица 3

Иерархический регрессионный анализ связи мотивов конструирования этнической идентичности смоленских (N = 185) и хабаровских (N = 134) старшеклассников с их индивидуальными ценностями при контроле социально-демографических параметров

Предикторы (ценности и социально-демографические параметры)	Зависимые переменные (мотивы конструирования этнической идентичности)					
	Непрерывность	Принадлежность	Самобытность	Самоуважение	Эффективность	Смысл
Благожелательность — Забота						— / -0,24*
Гедонизм					0,20* / —	
Достижение	— / 0,53***	— / 0,44***	— / 0,19**	— / 0,26*		
Универсализм — Забота о других			-0,24* / —			
Безопасность — Личная				— / -0,23*	— / -0,22*	— / -0,21*
Безопасность — Общественная	0,23* / 0,25*			0,23* / 0,29*		— / 0,35**
Универсализм — Забота о природе			— / 0,15**	— / 0,30**	— / 0,33**	— / 0,41***
Традиция	0,32*** / —	0,30*** / —	0,41*** / —	0,32*** / —	0,35*** / 0,24*	0,36*** / —
Возраст						
Пол (1-м, 2-ж)		— / -0,19*				— / -0,27**
Материальное положение				— / 0,20*		
R ²	0,16 / 0,29	0,18 / 0,30	0,23 / 0,27	0,15 / 0,34	0,15 / 0,26	0,17 / 0,23
F	2,6*** / 3,5***	2,8*** / 3,6***	3,5*** / 3,4***	2,5*** / 4,1***	2,5*** / 3,1***	2,7*** / 2,8***

Примечания: в таблице представлены показатели моделей второго шага иерархической регрессии; указаны лишь те ценности, которые продемонстрировали статистически значимые связи с мотивами этнической идентичности; представлены стандартизированные коэффициенты регрессии (β); * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$; R² (скорректированный) — доля объясненной дисперсии зависимой переменной; изменения R² значимы на уровне $p < 0,001$ во всех моделях; F — статистика Фишера.

ных традиций и норм. Для хабаровских школьников, чья русская этническая идентичность способствует ощущению связанности их жизненного пути (*мотив непрерывности*), также значима общественная безопасность, но в сочетании со стремлением к достижению успеха. Реализовать *мотив принадлежности* русская этническая идентичность позволяет юношам-хабаровчанам, ориентированным на достижения, а также смолянам (и девушкам, и юношам), ориентированным на поддержание традиций. В смоленской выборке удовлетворить *мотив самобытности* русская этническая идентичность помогает тем школьникам, для которых значимо сохранение культурных традиций, но не актуально стремление к равенству, справедливости и защите всех людей в целом. В хабаровской выборке русская этническая идентичность помогает поддерживать ощущение уникальности и непохожести на других (*мотив самобытности*) тем школьникам, которые стремятся к достижениям и ориентированы на сохранение природной среды. Позитивно воспринимать и оценивать себя (*мотив самоуважения*) идентификация с русским этносом помогает смоленским старшеклассникам, ориентированным на поддержание культурных традиций и общественной безопасности, и хабаровским старшеклассникам, стремящимся к успеху, ориентированным на заботу о природе, поддержание безопасности в обществе в целом, но нивелирующим значимость личной безопасности. Для смоленских старшеклассников, чья русская этническая идентичность помогает чувствовать себя компетентными и способными влиять на внешний мир (*мотив эффективности*), характерна ориентация на поддержание культурных традиций и норм в сочетании со стремлением к удовольствию и развлечениям. У

хабаровских старшеклассников данный мотив этнической идентичности (*эффективность*) связан с ориентацией на заботу о природе, с сохранением культурных традиций и с нивелированием значимости собственной безопасности. Ощущение осмысленности жизни (*мотив смысла*) русская этническая идентичность в наибольшей степени дает тем смоленским старшеклассникам (и юношам, и девушкам), которые ценят культурные традиции и нормы, а также хабаровским школьникам мужского пола, ориентированным на заботу о природе и общественной безопасности, но нивелирующим значимость личной безопасности и проявлений заботы о близких людях.

Обсуждение результатов

В результате работы подтверждена гипотеза о существовании различий в ценностных основаниях мотивов конструирования этнической идентичности у старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов страны. Отмечен ряд особенностей формирования русской этнической идентичности у молодых представителей этнического большинства, определена роль индивидуальных ценностей в этом процессе. Подавляющее большинство респондентов отчетливо ощущают себя представителями русского этноса. Значимых различий в выраженности этнической идентичности и мотивов ее построения у смолян и хабаровчан не обнаружено. Тем не менее полученные данные свидетельствуют о том, что этническая идентичность не выступает для старшеклассников значимым ресурсом удовлетворения важных потребностей: значения показателей мотивов этнической идентичности смоленских и хабаровских старшеклассников не велики. Но наибольший вклад в конструирование русской этнической идентичности школь-

ников Смоленска и Хабаровска вносят мотивы *непрерывности* и *принадлежности*, что в целом соотносится с содержанием этнической идентичности [17]. То есть для большинства опрошенных *этническая идентичность выступает ресурсом, позволяющим сохранять ощущение связанности своего прошлого, настоящего и будущего, а также быть включенными и принятыми в своем социальном контексте, чувствовать связь с другими людьми*. В меньшей степени конструирование русской этнической идентичности у школьников из Смоленска и Хабаровска обусловлено мотивами *самобытности, самоуважения, эффективности и смысла*.

Мотивы построения этнической идентичности старшекласников двух регионов группируются в единую структуру, состоящую из трех факторов, названных нами «индивидуальные опоры», «социальная включенность» и «ощущение уникальности». Примечателен тот факт, что фактор «ощущение уникальности» (образованный мотивом самобытности), в отличие от двух других факторов, не имеет статистически значимых корреляционных связей с выраженностью этнической идентичности ни у смолян, ни у хабаровчан. То есть у молодых респондентов, чья идентификация с русским этносом обусловлена желанием ощущать собственную уникальность и непохожесть на других, выраженность этнической идентичности разная (не всегда высокая). На наш взгляд, это может объясняться специфичностью самого мотива *самобытности* и по сути его *включенностью в процесс групповой категоризации* в целом: идентифицируя себя с какой-либо группой (в нашем случае — с русским этносом), человек изначально предполагает ее непохожесть и отличительность от другой/других групп (других этносов), утверждая тем самым собственную само-

бытность и отличительность в процессе категоризации как данность. Однако справедливость этого объяснения требует дополнительной эмпирической проверки.

Полученные данные относительно выраженности ценностей у старшекласников из Смоленска и Хабаровска пересекаются с результатами исследования М.С. Яницкого и коллег, опубликованными в 2019 г., согласно которым доминирующим ядром ценностей у молодежи из центрального и дальневосточного регионов России выступают ценности Достижение, Гедонизм и Самостоятельность, а наименьший приоритет отдается ценностям Власть и Традиция [24]. Однако, по нашим данным, лидирующую позицию в системе ценностей у русских старшекласников из Смоленска и Хабаровска (при выраженной значимости ценностей Самостоятельность, Гедонизм и Достижение) занимают ценности Благожелательность — Забота и Благожелательность — Чувство долга, что может являться в том числе следствием происходящих в стране изменений. Анализ различий продемонстрировал наибольшую выраженность ряда ценностей у школьников из Смоленска в сравнении с хабаровчанами, в частности — в отношении наименее популярной по выборке в целом ценности Традиция. Примечательно, что данное различие нашло отражение и в ценностных основаниях мотивов конструирования русской этнической идентичности у старшекласников двух групп: для смолян ценность Традиция выступает предиктором, имеющим положительные статистически значимые связи со всеми мотивами построения этнической идентичности. В выборке же хабаровских старшекласников предикторами с наибольшим количеством статистически значимых связей с зависимыми переменными являются ценности Достижение и Универсализм —

Забота о природе. Включенность природоохранной ценности в мотивационное конструирование русской этнической идентичности может являться отражением представлений об уникальной природе края. И вероятнее всего причина различий в ценностных основаниях мотивов этнической идентичности у смолян и хабаровчан кроется в том числе и в особенностях их представлений о русской этнической идентичности. Анализ и понимание того, что думают старшеклассники об этнониме «русский», что вкладывают в это понятие, что для них значит быть русским и в чем это, на их взгляд, проявляется, позволит расширить представления о механизмах формирования русской этнической идентичности у молодых представителей этнического большинства и роли ценностей в этом процессе.

Заключение

Полученные в исследовании результаты продемонстрировали наличие различий в ценностных основаниях мотивов построения этнической идентичности у старшеклассников из Смоленска и Хабаровска. Доминирующей ценностной основой мотивов построения этнической идентичности для смолян выступает ценность Традиция, а для хабаровчан — ценности Достижение и Универсализм — Забота о природе. Данные различия подтверждают региональную специфику механизмов формирования и развития русской идентичности у этнического большинства российской молодежи в моноэтнической среде, что важно учитывать при работе с молодежью по укреплению ее позитивной этнической идентичности.

Проведенное исследование (вероятно) — первая работа в отечественной психологии, в которой представлен анализ ценностных оснований мотивов конструирования этнической идентичности рус-

ской молодежи. Мы надеемся, что данная работа внесет вклад в понимание механизмов развития этнической идентичности, ее ресурсного потенциала у представителей этнического большинства, роли ценностей в этом процессе и будет способствовать росту соответствующих научных исследований. Значимыми направлениями дальнейших исследований могут стать анализ мотивов построения этнической идентичности у представителей этнических меньшинств и изучение мотивов формирования других типов социальной идентичности с использованием качественных методов у молодых людей из разных регионов страны для понимания того, какие виды социальной идентичности в наибольшей степени влияют на их психологическое благополучие и от каких факторов это зависит.

Несмотря на достоинства и перспективы проведенного исследования, оно имеет ряд ограничений, которые необходимо обозначить. Сопоставлены данные по двум моноэтническим регионам, и мы не можем утверждать, что выявленные особенности будут характерны для полиэтничных регионов страны. Данные получены на основании самоотчетов, что не исключает влияния фактора социальной желательности на результаты. Изучались только представители этнического большинства, и мы не можем утверждать, что обнаруженные особенности являются их специфическими проявлениями и не будут характерны для этнических меньшинств (здесь требуются дополнительные сравнительные исследования). Тем не менее, несмотря на обозначенные ограничения, проведенная работа имеет как теоретическое, так и прикладное значение, связанное с приращением знания в области социальной психологии и возможностью использования полученных результатов в практической работе с молодежью.

Литература

1. Аналитический отчет «Итоги мониторинга ценностных ориентаций современной молодежи 2022». Институт воспитания РАО [Электронный ресурс]. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/reader/2601> (дата обращения: 22.06.2023).
2. Андреева А.Д., Лисичкина А.Г., Бримова Л.А. Временная и жизненная перспектива как мотивационный центр самоопределения в ранней юности: сравнительно-историческое исследование // Теоретическая и экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 1. С. 6–15.
3. Белинская Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 6–15. DOI:10.21638/11701/srbu16.2018.101
4. Брызгалин Е.А. Ключевые положения о личностных ценностях и смыслах (по материалам отечественных и зарубежных научных источников) // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 2(15). С. 46–66. DOI:10.24412/2073-0861-2022-2-46-66
5. Бублик М.М. Психосемантическое пространство этнической идентичности молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2014. 28 с.
6. Лебедева Н.М. Этническая идентичность и благополучие русских на постсоветском пространстве: роль диаспоры // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 4. С. 16–24. DOI:10.17759/chr.2021170402
7. Лепшокова З.Х. Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты: роль ценностей и статуса этнической группы // Национальный психологический журнал. 2021. № 2(42). С. 61–75. DOI:10.11621/prj.2021.0206
8. Люди будущего: ценности и ориентиры современной российской молодежи [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/expertise/ljudi-budushchego-cennosti-i-orientiry-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi> (дата обращения: 10.07.2023).
9. Магун В.С., Руднев М.Г. За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии // В кн.: Рогов К. (общ. ред.). Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 325–353.
10. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI:10.7868/S0132162518030029
11. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 766 с.
12. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2022 [Электронный ресурс] // РИА Новости. 13.02.2023. URL: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html (дата обращения: 22.06.2023).
13. Руднев М., Магун В. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // Вестник общественного мнения. 2011. № 4(110). С. 81–96.
14. Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М., Плотка И.Д. Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 54–64. DOI:10.17759/chr.2019150206
15. Солдатова Г.У., Расказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
16. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 4. С. 27–37. DOI:10.17759/chr.2022180403
17. Степанова Г.С. Особенности этнической идентичности русских: проблемы и перспективы исследования // Социальная психология и общество. 2012. Т. 3. № 4. С. 41–52.
18. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2009. № 2. С. 3–17.

19. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 163 с.
20. Чеботарёва Е.Ю. Этническая идентичность молодежи в полиэтнической среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. № 1. С. 22–28.
21. Шатене К. Психология ценностей. Х.: Гуманитарный Центр, 2021.
22. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
23. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 352 с.
24. Яницкий М.С. и др. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67. DOI:10.17223/17267080/72/3
25. Bardi A., et al. Values and Identity Process Theory: Theoretical integration and empirical interactions / In: Jaspal R., Breakwell G. (Eds.) // Identity Process Theory: Identity, Social Action and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 175–200. DOI:10.1017/SBO9781139136983.013
26. Batory-Ginda A.M. Strengthening Identity by Affirming One's Most Important Values // Journal of Constructivist Psychology. 2022. Vol. 35. № 3. P. 1079–1094. DOI:10.1080/10720537.2021.1929598
27. Crapolicchio E., et al. Identity Threats and Individual, Relational, and Social Resources among Refugees in Italy // Social Sciences. 2023. Vol. 12. № 3. P. 149. DOI:10.3390/socsci12030149
28. Easterbrook M., Vignoles V.L. Different groups, different motives: Identity motives underlying changes in identification with novel groups // Personality & Social Psychology Bulletin. 2012. Vol. 37. P. 1066–1080.
29. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 344 p.
30. Schwartz S.H. et. al. Refining the Theory of Basic Individual Values // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103. № 4. P. 663–688. DOI:10.1037/a0029393
31. Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge University Press, 2010. 546 p.
32. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior / In: Worchel S., Austin W.G. (eds.) // Psychology of intergroup relations. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
33. Vignoles V.L., Manzi C. Identity motives. In: Michalos A.C. (ed.). Encyclopedia of Quality of Life Research. Dordrecht: Springer, 2014. P. 3061–3064.
34. Vignoles V.L. Identity Motives / In: Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds.) // Handbook of Identity Theory and Research. Springer. New York, NY, 2011. DOI:10.1007/978-1-4419-7988-9_18

References

1. Analiticheskii otchet «Itogi monitoringa tsennostnykh orientatsii sovremennoi molodezhi 2022». Institut vospitaniya RAO [Elektronnyi resurs] [Analytical report “Results of monitoring the value orientations of today’s youth in 2022”]. URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/reader/2601> (Accessed 20.06.2023). (In Russ.).
2. Andreeva A.D., Lisichkina A.G., Brimova L.A. Vremennaya i zhiznennaya perspektiva kak motivatsionnyi tsentr samoopredeleniya v rannei yunosti: sravnitel’no-istoricheskoe issledovanie [A time and life perspective as a motivational center of self-determination in early adolescence: a comparative historical study] *Teoreticheskaya i eksperimental’naya psikhologiya = Theoretical experimental psychology*, 2021. Vol. 14, no. 1, pp. 6–15. (In Russ.).
3. Belinskaya E.P. Sovremennye issledovaniya identichnosti: ot strukturnoi opredelennosti k protsessual’nosti i nezavershennosti [Modern identity studies: from structural certainty to procedural incompleteness]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika =*

Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education, 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 6–15. DOI:10.21638/11701/spbu16.2018.101 (In Russ.).

4. Bryzgalin E.A. Klyuchevye polozheniya o lichnostnykh tsennostyakh i smyslakh (po materialam otechestvennykh i zarubezhnykh nauchnykh istochnikov) [Fundamentals about personal values and meanings (based on materials from Russian and foreign scientific sources)]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya = Theoretical experimental psychology*, 2022, no. 2(15), pp. 46–66. DOI:10.24412/2073-0861-2022-2-46-66 (In Russ.).

5. Bublik M.M. Psikhosemanticheskoe prostranstvo etnicheskoi identichnosti molodezhi: avtoref. diss. kand. psikholog. nauk. [Psychosemantic space of ethnic identity of youth. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Saint Petersburg, 2014. 28 p. (In Russ.).

6. Lebedeva N.M. Etnicheskaya identichnost' i blagopoluchie russkikh na postsovetском prostranstve: rol' diaspor [Ethnic identity and psychological well-being of russians in post-soviet space: the role of diaspora]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2021. Vol. 17, no. 4, pp. 16–24. DOI:10.17759/chp.2021170402 (In Russ.).

7. Lepshokova Z.Kh. Inklyuzivnye i eksklyuzivnye identichnosti i kontakty: rol' tsennostei i statusa etnicheskoi gruppy [Inclusive and exclusive identities and contacts: the role of values and status of ethnic group]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2021, no. 2(42), pp. 61–75. DOI:10.11621/npj.2021.0206 (In Russ.).

8. Lyudi budushchego: tsennosti i orientiry sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Elektronnyy resurs] [People of the future: values and guidelines of modern Russian youth]. URL: <https://wciom.ru/expertise/ljudi-budushchego-cennosti-i-orientiry-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi> (Accessed 10.07.2023). (In Russ.).

9. Magun V.S., Rudnev M.G. Za predelami «cheloveka sovetskogo»: rossiiane v evropeiskoi tsennostnoi tipologii [Beyond the “Soviet Man”: Russians in the European Value Typology]. In Rogov K. (ed.). Demontazh kommunizma. Tridsat' let spustya [Dismantling Communism. Thirty years later]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021, pp. 325–353. (In Russ.).

10. Radaev V.V. Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokolenii: empiricheskii analiz [Millennials compared to previous generations: an empirical analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2018, no. 3, pp. 15–33. DOI:10.7868/S0132162518030029 (In Russ.).

11. Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub"ektov Rossiiskoi Federatsii. 2021: Stat. sb. [Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation. 2021: Statistical compendium] Rosstat [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2021. 766 p. (In Russ.).

12. Reiting rossiiskikh regionov po kachestvu zhizni – 2022 [Rating of Russian regions by quality of life – 2022] RIA Novosti. 13.02.2023 [Russian news agency “Novosti”. 13.02.2023]. URL: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html (Accessed 20.06.2023). (In Russ.).

13. Rudnev M., Magun V. Tsennostnyi konsensus i faktory tsennostnoi differentsiatsii naseleniya Rossii i drugikh evropeiskikh stran [Consensus and Determinants of Value Differentiation in Russia and Other European Countries]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya = Bulletin of Public Opinion*, 2011, no. 4(110), p. 81–96. (In Russ.).

14. Ryabichenko T.A., Lebedeva N.M., Plotka I.D. Mnozhestvennye identichnosti, akkul'turatsiya i adaptatsiya russkikh v Latvii i Gruzii [Multiple identities, acculturation and adaptation of Russians in Latvia and Georgia]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 2, pp. 54–64. DOI:10.17759/chp.2019150206 (In Russ.).

15. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Tsifrovoye pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost' [Digital generation of Russia: competence and security]. Moscow: Smysl, 2017. 375 p. (In Russ.).

16. Soldatova G.U., Chigar'kova S.V., Ilyukhina S.N. Ya-real'noe i Ya-virtual'noe: identifikatsionnye matritsy podrostkov i vzroslykh [Real-Self and Virtual-Self: Identity Matrices of Adolescents and Adults]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2022. Vol. 18, no. 4, pp. 27–37. DOI:10.17759/chp.2022180403 (In Russ.).

17. Stepanova G.S. Osobennosti etnicheskoi identichnosti russkikh: problemy i perspektivy issledovaniya [Features of Ethnic Identity of Russians: Research Issues and Perspectives]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2012. Vol. 3, no. 4, pp. 41–52. (In Russ.).
18. Stefanenko T.G. Etnicheskaya identichnost': ot etnologii k sotsial'noi psikhologii [Ethnic identity: from ethnology to social psychology.]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2009, no. 2, pp. 3–17. (In Russ.).
19. Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Metody etnicheskoi i krosskul'turnoi psikhologii [Methods of ethnic and cross-cultural psychology]. Moscow: NIU VShE, 2011. 163 p. (In Russ.).
20. Chebotareva E.Yu. Etnicheskaya identichnost' molodezhi v polietnicheskoi srede [Ethnic identity of young people in polyethnic environment]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2012, no. 1, pp. 22–28. (In Russ.).
21. Shatene K. Psikhologiya tsennosti [Psychology of values]. Kharkiv: Gumanitarnyi Tsentr, 2021. (In Russ.).
22. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennosti: primeneniye v Rossii [Refined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 43–70. (In Russ.).
23. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow: Flinta: MPSI: Progress, 2006. 352 p. (In Russ.).
24. Yanitskii M.S. [i dr.] Sistema tsennostnykh orientatsii «pokoleniya Z»: sotsial'nye, kul'turnye i demograficheskie determinant [The Value Orientations System of Generation Z: Social, Cultural and Demographic Determinants]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, 2019, no. 72, pp. 46–67. DOI:10.17223/17267080/72/3 (In Russ.).
25. Bardi A., et.al. Values and Identity Process Theory: Theoretical integration and empirical interactions. In: Jaspal R., Breakwell G. (Eds.). *Identity Process Theory: Identity, Social Action and Social Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, pp. 175–200. DOI:10.1017/CBO9781139136983.013
26. Batory-Ginda A.M. Strengthening Identity by Affirming One's Most Important Values. *Journal of Constructivist Psychology*, 2022. Vol. 35, no. 3, pp. 1079–1094. DOI:10.1080/10720537.2021.1929598
27. Crapolicchio E., et.al. Identity Threats and Individual, Relational, and Social Resources among Refugees in Italy. *Social Sciences*, 2023. Vol. 12, no. 3, pp. 149. DOI:10.3390/socsci12030149
28. Easterbrook M., Vignoles V.L. Different groups, different motives: Identity motives underlying changes in identification with novel groups. *Personality & Social Psychology Bulletin*, 2012. Vol. 38, pp. 1066–1080.
29. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 344 p.
30. Schwartz S.H. et.al. Refining the Theory of Basic Individual Values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012. Vol. 103, no. 4, pp. 663–688. DOI:10.1037/a0029393
31. Tajfel H. *Social identity and intergroup relations*. Cambridge University Press, 2010. 546 p.
32. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior. In: Worchel S., Austin W.G. (eds.). *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson-Hall, 1986, pp. 7–24.
33. Vignoles V.L., Manzi C. Identity motives. In: Michalos A.C. (ed.). *Encyclopedia of Quality of Life Research*. Dordrecht: Springer, 2014, pp. 3061–3064.
34. Vignoles V.L. Identity Motives. In: Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds.). *Handbook of Identity Theory and Research*. Springer, New York, NY, 2011, pp. 403–432. DOI:10.1007/978-1-4419-7988-9_18

Информация об авторах

Мурашcenкова Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Кулеш Елена Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ТОГУ»), г. Хабаровск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resurssentr@mail.ru

Information about the authors

Nadezhda V. Murashcenkova, PhD in Psychology, Associate Professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Valentina V. Gritsenko, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Elena V. Kulesh, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology, Pacific State University, Khabarovsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9010-6025>, e-mail: resurssentr@mail.ru

Получена 23.07.2023

Принята в печать 19.12.2024

Received 23.07.2023

Accepted 19.12.2024